

Возвращаясь в пределы Юньмэна, Цзян Фэнмянь из-за срочных дел покинул их, отправившись вперед на мече, а Цзян Чэн в сопровождении двух охранников сел в лодку и неспешно направился к Пристани Лотоса.

Приближаясь к водным угодьям, Цзян Чэн предусмотрительно спрятал мешочек Цянькунь.

Внезапно лодку что-то толкнуло, она сильно качнулась. Цзян Чэн сразу догадался, кто это, и нарочно громко скомандовал:

— Ой, неужели это Водяной губитель? Скорее, бейте мечами по воде!

Вэй Усянь тут же вынырнул из воды, окатив Цзян Чэна с головы до ног брызгами, и во все горло завопил:

— Сестренка, ты что, задумал убить своего любимого старшего брата?

Услышав такое обращение, Цзян Чэн в ярости принялся лупить Вэй Усяня веслом по голове. Но Вэй Усянь был проворен, да и Цзян Чэн не всерьез хотел причинить ему вред. В итоге они устроили в воде заливчатскую игру в догонялки.

Нарезвившись вволю, Цзян Чэн затащил Вэй Усяня в лодку.

Вэй Усянь, нахально прилипнув к нему, принялся кружиться вокруг Цзян Чэна, словно вокруг оси, приговаривая:

— Сестренка, моя дорогая, милая сестренка... Где мой жареный барашек? — голос его звучал так слащаво и приторно, что у Цзян Чэна по спине пробежали мурашки.

Цзян Чэн ответил:

— А? Ой! Прости, заигрался в Цинхэ и совсем забыл. Я даже мешочек Цянькунь где-то потерял. В следующий раз, в следующий раз обязательно привезу...

Вэй Усянь замер, а затем начал судорожно обыскивать Цзян Чэна, причитая:

— Врешь, не верю, не верю... А-а! — обнаружив, что мешочка действительно нет, он решил пуститься во все тяжкие.

Растянувшись на дне лодки, он начал кататься от носа к корме и обратно, издавая жалобные стоны.

Два охранника, сидевшие в лодке, хотели рассмеяться, но не смели издать ни звука, лишь испуганно поглядывали по сторонам, мечтая лишь о том, чтобы сделать вид, будто ничего не видели и не слышали.

Цзян Чэн, видя, что проплывающие мимо люди начинают оглядываться, почувствовал себя ужасно неловко.

Он толкнул Вэй Усяня ногой:

— Да хватит тебе, Вэй Усянь, вставай! На тебя же смотреть стыдно, позорище...

Вэй Усянь не унимался:

— А-а-а, не хочу, не буду! Ты не держишь слово, я не хочу-у-у!

Цзян Чэн сдался:

— Привез я, привез... Вставай давай! — только он хотел протянуть руку, как Вэй Усянь вскочил сам:

— Я знал, что сестренка самая лучшая! — и снова повис на нем.

Вернувшись в Пристань Лотоса и поклонившись отцу и матери, они тут же уединились в комнате. Вэй Усянь, увидев богатства, извлеченные из мешочка Цянькунь, пришел в полный восторг и пообещал стать лучшим братом для Не Хуайсана.

Цзян Чэн отдал все вещи Вэй Усяню, чтобы тот распределил их сам. Себе Вэй Усянь оставил лишь жареного барашка, немного фруктов, сладостей, большой кувшин старого вина и книги, которые Не Хуайсан подготовил специально для него. Все остальное он раздал другим ученикам Юньмэна.

Вэй Усянь собрал младших учеников, чтобы вместе съесть барашка отдельно от старших.

Цзян Чэн и Цзян Яньли тоже присоединились. В задней части гор они устроили настоящий костер, а Цзян Чэн с помощью талисманов создал защитный барьер, чтобы никто не помешал их вечеру.

В центре полыхал огромный костер, на котором можно было подогреть мясо, если оно остывало.

Без строгих наставников и вечных нотаций старших младшие веселились от души. Наевшись до

отвала, они лениво повалились на землю, то и дело икая и напоминая упитанных гусениц. И лишь Цзян Яньли оставалась по-прежнему воплощением изящества и спокойствия.

— Эй-эй, у меня есть кое-что получше! Хотите попробовать? — Вэй Усянь хлопнул в ладоши, оглядывая компанию.

Девятый ученик отозвался:

— Что еще за чудо? Не мог раньше сказать? Я уже не могу дышать, а ты говоришь, что есть что-то еще... Ик!

Остальные вторили ему:

— Ой, нет, правда, больше не влезет... Давай в другой раз.

Вэй Усянь вытащил из мешочка огромный кувшин вина и поставил у костра:

— Хе-хе-хе...

Все в один голос:

— Вино! Старший брат, откуда у тебя вино? — их глаза загорелись.

Цзян Чэн нахмурился:

— Может, не стоит? Если узнают, что мы пьем, нас же накажут.

Цзян Яньли лишь молча наблюдала, не высказывая своего мнения.

Вэй Усянь подмигнул:

— Цзян Чэн, не будь таким занудой! Ты промолчишь, я промолчу, никто и не узнает, если выпьем по чуть-чуть...

Цзян Чэн отрезал:

— Делайте что хотите, но я пить не буду.

Вэй Усянь понял, что Цзян Чэн просто ломается:

— Сестра пусть не пьет, но ты, сестренка, неужели будешь скучать, глядя на нас? — он подал знак остальным.

Все поняли его без слов. На Цзян Чэна навалились всей толпой: кто держал за пояс, кто за ноги, кто за руки. Ему насильно влили глоток вина, отчего он закашлялся.

Под дружный хохот Цзян Чэн постепенно втянулся. Вскоре кувшин был пуст, а лица всех участников пиршества покраснелись, глаза затуманились.

Цзян Яньли заботливо отодвигала братьев подальше от огня, опасаясь, как бы кто не обжегся.

Вдруг кто-то воскликнул:

— Эй? Что это там в огне? Раскалилось докрасна...

Все прищурились, вглядываясь в пламя.

Один из учеников спросил:

— Не похоже ли это на наш Колокольчик очищения сердца?

Остальные подтвердили:

— Точно! Сестра, Цзян Чэн, проверьте свои колокольчики, они ведь только у вас двоих есть...

Цзян Яньли ответила:

— Мой при мне.

Цзян Чэн ощупал себя и вскрикнул:

— Беда, это мой! Быстрее, дайте палку...

Вэй Усянь перебил:

— Дай я! — будучи пьяным, он, к ужасу окружающих, полез в огонь голыми руками.

Но Вэй Усянь оказался хитер: он схватился за кисточку колокольчика. Однако в тот же миг кисточка оторвалась.

Вэй Усянь инстинктивно попытался поймать колокольчик, обжегся, взвыл от боли и, сам не зная зачем, швырнул его в сторону Цзян Чэна:

— А-а, Цзян Чэн, твой колокольчик!

В обычное время Цзян Чэн легко поймал бы его, но сейчас, будучи в дурмане, он лишь почувствовал, как что-то летит ему прямо в лицо, и инстинктивно вскинул руки, прикрываясь.

Раздалось шипение, а следом за ним — пронзительный крик:

— А-а! — Цзян Чэн мгновенно протрезвел.

Пространство в горчичном зерне.

Ваньинь:

— Больно, больно, больно...

У-ю:

— А-а-а-а-а...

Двое, только что лежавших в пространстве, синхронно покатались из одного края в другой.

(Лоб: Опять мне досталось...)

Окружающие, напуганные криком, мгновенно протрезвели и бросились к Цзян Чэну.

Цзян Яньли бережно взяла его лицо в свои руки, видя красные пятна на коже, она не могла сдержать слез.

Вэй Усянь бросился искать лекарство, но, увидев, что все лицо и руки Цзян Чэна в красном, не понимал, куда именно наносить мазь.

Он спросил сквозь слезы:

— Цзян Чэн, ты что, обезображен? Ты что, приложил раскаленный колокольчик к лицу? Откуда столько крови?

Цзян Чэн прошипел:

— Чтоб тебя, Вэй Усянь! Неужели нельзя сказать что-то приятное? Я обжег только ладонь и лоб, это не кровь!

Все пригляделись и, к своему облегчению, поняли, что это действительно не кровь. Но тогда что?

Цзян Яньли осторожно вытерла красную жидкость платком, и тогда все увидели истинную картину.

На лбу Цзян Чэна красовался страшный ожог, совсем близко к брови и глазу. Обугленная кожа смешалась с волдырями и красной липкой жидкостью. Зрелище было пугающим.

Остатки хмеля окончательно выветрились из голов.

Все пытались помочь, но Цзян Чэн, видя этот хаос, махнул рукой:

— Это всего лишь ожог! Сами намажем, а отцу и матери скажем, что я упал. Главное — молчите, а то, если они узнают, что мы пили, нам всем не поздоровится!

В итоге все решили последовать совету Цзян Чэна.

<http://bllate.org/book/21513/2206491>